

24 июля
митрополиту
Волоколамскому
Илариону
(Алфееву)
исполняется
50 лет

Фото Владимира Ештокина

Глава отдела внешних церковных связей Русской Православной Церкви, выдающийся богослов, блестящий апологет, а кроме того — известный композитор, обладатель степени доктора философии Оксфордского университета, ведущий телепрограммы «Церковь и мир» и наконец (а вернее, прежде всего) — пастырь, окормляющий многих и многих верующих людей, открывающий им глубину учения Церкви и красоту Православия.

Редакция «Фомы» поздравляет митрополита Илариона с юбилеем и желает владыке помощи Божией в служении на благо Церкви.

В этом номере на стр. 30 мы публикуем отрывок из книги митрополита Илариона «Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие»

Дмитрий Трибушный

Господь и город

Сначала стихи Дмитрия Трибушного пришли к нам «путем самотека». А оказалось, по слову поэта, — путем зерна. Тем не менее, прошло еще какое-то время, между автором и журналом завязались отношения, наконец, мы стали готовиться к представлению его поэзии в наших «Строфах». Попросили еще стихов, попросили фотографий. Уже сложив эту подборку, я решил написать автору письмо с просьбой рассказать о себе поподробнее, но, перечитывая маленькую автобиографическую справку, приложенную к присланным стихотворениям, понял вдруг, что больше просить ни о чем не нужно.

Разве здесь не все сказано:

«Трибушный Дмитрий Олегович. Родился в 1975 году в городе Донецке. Окончил в 1997 году филфак Донецкого национального университета, в 2002 году — Одесскую духовную семинарию. Церковнослужитель. Автор 4 книг стихов...» Наверное, если бы лет десять тому назад мне рассказали о том, что настанет такое время, когда сорокалетний алтарник и поэт пришлет нам стихи о том, как смерть гуляет по его родному городу, и что прилетает эта смерть с его же родной земли, — я бы не поверил.

Трудно думать о Промысле Божиим. Трудно думать о Божием попущении.

И о поэзии, читая нынешние новостные ленты, думать тоже — трудно.

Много лет тому назад, в предвоенные годы, Михаил Пришвин писал своей знакомой:

«Ваша основная ошибка в том, что источником поэзии считаете доброе сердце... Запомните это навсегда, что из доброго сердца выходят добрые дела, но поэзия рождается в иных областях нашей души. Она рождается в простой, безобидной и неоскорбляемой части нашей души, о существовании которой множество людей даже и не подозревает. Настоящая поэзия потому так редка и так в конце концов высоко ценится, что очень мало людей, которые решаются и умеют считать реальностью эту сторону души. Огромное большинство людей в жизни своей исходит от обиды, оскорбления или греха...»

Так что же нам-то? Вот, выписал я это из Пришвина, и вспомнил строку одного старого поэта, пережившего почти весь прошлый век: «Нам остается лишь одно: молиться...» **Ф.**

Павел Крючков,
заместитель главного редактора журнала «Новый мир»
Рисунок Марии Заикиной

* * *

В славном королевстве Датском
Двадцать дней тому назад
Был замечен ангел в штатском,
Белый, словно рафинад.

Выше крыши, выше смерти
Над каштанами кружил.
Облетал автобус сверху,
А не сзади обходил.

Он отстал от эскадрильи,
Чтоб общаться напрямик,
Но датчане позабыли
Древнеангельский язык

* * *

За сотни бед от Рима или Праги
По улицам гуляет красный смех.
Коты, клесты и прочие дворняги
Высматривают Ноя и ковчег.

Стоят березы в желтом камуфляже,
И в ватники укутаны дома.
Четвертый водоем берет под стражу
Бунтующая русская зима.

Знакомые из горного чертога
Передают послания живым,
Но дал обет молчания пред Богом
Дежурный по Донецку херувим.

* * *

Дар случайный, дар напрасный,
Непонятный дар.
В городах огнеопасных
Каждый день пожар.

Горе местного разлива
Падает в цене.
С каждым годом все фальшивей
Фильмы о войне.

Из провинций безмятежных
В рай прифронтовой
Годовой запас надежды
Привезет конвой.

* * *

1

У солдата выходной.
Пуговицы в ряд.
Это значит, что родной
Город не бомбят.

Это значит, что война
Кончилась для нас,
Даже если тишина
Длится целый час.

2

Тихо в омуте и в городе –
У солдата выходной.
Из убежищ вышли голуби
За бесплатной тишиной.

От Луны осталась рваная,
Неприкаянная часть.
И в нее орда незваная
Умудряется попасть.

Спит стрелок в далеком ельнике
В серебристой лунной мгле.
«Доживем до понедельника» –
Пишет дочка на стекле.

* * *

Город.
Геометрически точно рассчитанное безумие.
Город.
Кем-то придуманный во время бессонницы.
В любое время года
Город.
В город
Брошены горсти гордыни и голода.
Город.
Не слышу собственного голоса
В городе.
Куда ты уходишь из города, Господи?
Куда ты уходишь от Господа, город?

* * *

На родине закаты коротки,
Чтоб написать роман – не хватит света.
Провинциалу, впрочем, не с руки
Указывать Создателю на это.

Садись за стол. Настанут времена,
Тебя найдут венгерские русисты,
Чтобы узнать, как небосвод шпана
Украсила петардами и свистом.

Узнают москвичи и пермяки,
Куда ушел Адам, лишившись рая.
О городе, в котором земляки
Своих друзей внутри земли теряют.

О том, что не поет, а голосит
В глухой ночи промышленная птица.
О бабочке, которая не спит,
Сама не спит, и Чжуан-цзы не снится.

* * *

Кто-то же должен
Принять эту тьму и тяжесть.
И Господь приходит за надеждой
к Иову:
«Может быть ты
Не потребуешь объяснений,
не будешь задавать вопросы,
принимая эту тьму и тяжесть –
Мою любовь?»